АШИРА ХААН

ПРИНЕСИ МНЕ САНТА АНТИДЕПРЕССАНТЫ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ашира Хаан

Принеси мне, Санта, антидепрессанты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68606694
SelfPub; 2022

Аннотация

Не дело это – без новогоднего настроения ходить!Ну и что, что у тебя депрессия?Зачем еще существуют Дед Мороз и Санта-Клаус?Попроси у них немножечко радости – и только держись! Может быть, они только этой просьбы и ждали!Чудеса, знаете ли, надо делать своими руками – даже если ты Санта-Клаус и по совместительству психиатр в местном ПНД.Очень, очень горячий и развратный психиатр…

Содержание

Не лучшее место для новогоднего настроения 4
Синий шарик и последняя коробочка с оливье 11
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Ашира Хаан
Принеси мне, Санта, антидепрессанты

Не лучшее место для новогоднего настроения

– Заходите.

– Ой! – Я сначала заскочила в кабинет, а потом только огляделась. – А где Инга Семеновна?

– Я за нее! – заявил сидящий за столом молодой мужчина со светлыми волосами. Загорелый, с улыбкой, как у голливудской звезды, и глазами голубыми-голубыми, будто весеннее небо. И в цветастой гавайской рубашке под распахнутым белым халатом.

Нифига себе психиатры пошли!

Я даже забыла закрыть за собой дверь. И вообще застыла, не сделав ни шагу, пока он не улыбнулся еще раз во всю сотню белоснежных зубов и жестом не пригласил меня сесть на стул для пациентов. Медсестра за столом у окна насмешливо хмыкнула. Видать, я не первая такая… ошеломленная.

А парень встал – оказался он высоченным! – и сам закрыл

дверь кабинета.

– Меня зовут Максим Игоревич, я сегодня заменяю вашего участкового психиатра.

Да я уже догадалась.

Во все глаза я рассматривала этого Максима Игоревича, который совсем не выглядел серьезным доктором. Скорее было похоже, что какой-то австралийский серфер отвлекся от съемок для календаря с мужиками-моделями и прикола ради напялил халат. Он даже за стол не помещался! Это вообще должно быть противозаконно – чтобы психиатры были такими красивыми!

Ему же отдаться хочется прямо на этом столе, заваленном документами, и чтобы стопки медицинских карт рассыпались по полу от ритмичных толчков!

Максим Игоревич, к счастью, как раз опустил глаза в одну из таких карт. Мою. И не видел, как я пожираю его взглядом, будто он мое любимое пирожное. Например, тирамису со сладким-сладким сливочным кремом, легкой ноткой пьянящего кофейного ликера и горчинкой посыпки из черного шоколада. Или эклер с тонкими стенками из заварного теста, ванильным кремом внутри и шоколадной помадкой снаружи… Ты обнимаешь его губами, вонзаешь зубы в воздушное тесто и чувствуешь, как растекается на языке сливочный крем…

– Так, – сказал Максим Игоревич, прерывая мои гурманско-эротические фантазии. – Смотрю, Инга Семеновна на-

значила вам новый препарат, потому что на предыдущий отклика не было. И сегодня у нас контрольный визит. Что ж. Рассказывайте!

Он сложил руки домиком и вопросительно поднял на меня свои небесные глаза.

– Что рассказывать?! – испугалась я. Все-таки я не готова вот так вот через двадцать секунд знакомства вываливать все, что только что подумала. Да и медсестра рядом.

– Все рассказывайте! – щедрым жестом разрешил Максим Игоревич. – Всю свою жизнь!

Уф, ну ладно, это я могу. Только…

– Это будет долго, – честно сказала я.

– Куда-то спешите? – выгнув светлую бровь, ехидно спросил он.

– Куда я могу спешить тридцать первого декабря в шесть вечера, действительно…

И тут все веселье с него словно смыло. Он неожиданно стал очень серьезным и даже халат слегка запахнул, скрывая буйство красок и хвост малинового попугая, нарисованного на рубашке.

– Некуда спешить? А как же готовить новогодний стол? Елку украшать? Покупать последние подарки? С семьей поругаться, как положено на праздники?

– Я одна живу, – пожала плечами. – Не с кем ругаться. Некому подарки дарить. А «оливье» куплю в супермаркете.

Он нахмурился и что-то написал в моей карточке. Неуже-

ли про «оливье»? Я вытянула шею, но ничего не разглядела. Да и с этим их врачебным почерком даже если разглядишь, прочитаешь только заклинание вызова демона, а не секреты моей странной психики.

– Плохо. – Максим Игоревич постучал ручкой по столу и повторил: – Очень плохо. Обязательно нужны новогоднее настроение, суета, предвкушение праздника. Так что вы уж постарайтесь. Елочку хотя бы поставьте – это я вам как доктор настоятельно рекомендую.

– Где ж я ее сейчас найду? – хмыкнула я. – Не успею уже.

– Ну… – Он потер в задумчивости идеально выбритый мужественный подбородок. – Вдруг случится новогоднее чудо? Попробуйте!

И сощурился хитро так. Снова блеснул улыбкой – вот я уверена, что таких людей можно фотографировать в любой момент жизни, они даже в туалете в самый ответственную минуту будут выглядеть сияющими звездами.

Как тут не сомлеть бедной девушке, которая даже целовалась последний раз пару лет назад?

– Ладно. – Максим Игоревич хлопнул ладонями по столу. – Вернемся к нашим баранам. Что с вашим антидепрессантом? Как заходит? Побочные эффекты есть? Тошнота, например?

– Есть, – кивнула я.

– Диарея? Сонливость? Понижение либидо?

Вот до входа в этот кабинет либидо у меня было понижен-

ное. Все те же пару лет как пониженное. А на антидепрессантах, еще первых, которые вообще не подействовали, – оно и вовсе уснуло, как Белоснежка, откусившая яблоко. Вечным сном – лет на сто.

А сейчас… встрепенулось как-то даже. Сердечко екает – я уж и забыла, как это приятно! Да и ниже… гораздо ниже… уффффф, как стало тепло. Горячо даже.

И как в таких условиях сообщать про диарею причине моего эротического волнения?

Я замялась, думая, как сказать супер-секси-психиатру, которого хочется облизать с головы до ног, как карамельку, что я по полдня из туалета не вылезаю?

– Всего понемножку, – дипломатично выкрутилась я.

– Еще симптомы? – Он снова пометил что-то в карточке.

Я вздохнула. Желание забиться в маленькую норку и никогда не вылезать? Прыщи – как будто я вернулась в свои тринадцать? Головная боль по ночам?

Решила рассказать о головной боли. Это даже как-то… изящно.

– Мда… – Максим Игоревич написал что-то в карте размашистым почерком. – Плохо.

Ему так не шло хмурое выражение лица, что мне тут же захотелось убедить его, что ничего страшного, ну поболела голова – и все, а так таблетки отличные! Просто великолепные таблетки! Особенно мне цвет нравится – такой благородный пыльный синий, у меня платье на выпускной такое

же было! Пусть он улыбнется!

Он как будто услышал мои мысли – господи, не дай бог! – и таки улыбнулся.

– К счастью, я как раз вернулся с медицинской конференции, где производители представляли антидепрессант нового поколения. Клинические спытания прошли очень успешно, результаты убедительные. Так что давайте я вам его и выпишу! Побочных эффектов практически нет.

Он засучил рукава халата, как будто собрался картошку копать, а не рецепт выписывать.

А я мгновенно нашла новый фетиш – залипла на его руки. Ух, какие пальцы… Особенно указательный и средний. Такие… длинные и ловкие. И жилы на предплечьях… А учитывая, как халат едва не трещит на мощных плечах, в раздетом виде Максим Игоревич наверняка еще более сладкая карамелька…

Уффффф…

Захотелось достать где-нибудь веер и срочно начать им обмахиваться.

Ничего себе зажигательный мужик! Мне даже жить как-то захотелось – давно забытое чувство. А можно мне его вместо антидепрессантов? Дважды в день.

Он закончил выписывать рецепт, встал из-за стола и шагнул ко мне, протягивая его.

Ярко-голубые глаза смотрели с такой теплотой, что я не смогла от них оторваться и взяла листочек из его руки дро-

жащими пальцами – пару раз промахнувшись.

– Постарайтесь купить таблетки поскорее. Не хотелось бы, чтобы такая красивая и молодая девушка пропускала всю радость жизни, – сказал он, понизив голос. Так интимно и доверительно, что я сглотнула, почувствовав, как по коже разбежались мурашки.

– Сегодня уже не успею… – прошептала я в ответ.

– Ну, как только откроются аптеки. Не затягивайте.

И он вернулся за стол. Я – честное слово, не удержалась! – бросила взгляд на его задницу. Она должна была быть великолепна при таком шикарном экстерьере. Но – увы, была прикрыта халатом. Вот облом-то! Девушка в кои-то веки возбудилась, а тут…

В общем, из кабинета я вывалилась вся красная как рак и тут же заскочила в туалет, чтобы плеснуть холодной водой в лицо. Ох. Ох. Ох.

Синий шарик и последняя коробочка с оливье

Психоневрологический диспансер в новогодние праздники – место невыносимо унылое.

Здоровые люди, которым только справку получить – на работу, для вождения, на оружие, – тридцать первого декабря в шесть вечера сюда не заглядывают. У них есть дела поинтереснее.

Зато те, кому надо обновить рецепты перед долгими каникулами, покорно сидят в очереди. Лица у них мрачные, одежда серая, а в глазах – печаль. Кто-то навсегда привязан к этому мрачному месту: у них серьезные проблемы, и таблетки надо пить пожизненно. Кто-то еще надеется избавиться от временных напастей – депрессий, тревожных расстройств и прочих не самых тяжелых по сравнению с теми, что у первых, неприятностей. Но и они не слишком радуются: если организм решил, что больше ты серотонина, дофамина и остальных гормонов, отвечающих за счастье и радость жизни, не заслуживаешь, то как бы ни хотелось, новогоднего настроения у тебя не случится.

И даже елочка в холле, наряженная сотрудниками – облезлая, пластиковая, украшенная старыми, еще советскими игрушками, – не развлекает. Хотя и напоминает о детстве. У

моих бабушки с дедушкой такая же была. Даже царица полей кукуруза на прищепке – точь в точь как та, что спрятана у меня на антресолях в старой коробке, набитой ватой.

Там же лежит Дед Мороз из папье-маше. Суровый, с посохом. Я не стала ничего доставать в этом году. Не хочется.

У меня тоже недостаток радости в организме. А самое печальное – что нет никакого желания эту радость добывать.

На улице заметало. Мелкий колкий снег летел в лицо острыми стрелами, царапая кожу. Я укуталась в шарф по самые глаза, но это мало помогало.

На остановке автобуса было пусто. Наверное, недавно ушел. Теперь полчаса ждать: больше отсюда ничего не ходит. Справа от меня убегала пустынная, освещенная тускло-оранжевыми фонарями дорога к еще более черному на фоне вечерней темноты лесу, слева тянулся унылый серый забор. И ни одной живой души.

После короткого, но яркого свидания с горячим психиатром у меня осталось ощущение, что я побывала на берегу океана, где загорелые спасатели с прокачанным прессом зубоскалят с красотками в белых купальниках, шумит прибой и светит яркое тропическое солнце. А теперь меня снова порталом выкинуло в московскую промзону в минус двадцать и обратно не пускают. Даже если бы у меня не было депрессии – она бы сейчас непременно началась!

Автобус сжалился и пришел через десять минут. Правда, я окончательно успела замерзнуть. Внутри воняло бензином

и выхлопными газами, словно у нас тут не двадцатые годы двадцать первого века, а восьмидесятые в деревне. Старенький «пазик» ковыляет к станции электричек, дачники сидят на мешках с картошкой, и разбитая дорога вытряхивает всю душу.

От запаха тошнило, но не на мороз же выскакивать? Может, и не от запаха, может, тоже побочки от таблеток.

В аптеке у метро, которая уже закрывалась, нужного лекарства не было. Аптекарша с подозрением изучила рецепт, даже печать зачем-то потерла наслюнявленным пальцем и, обведя меня презрительным взглядом, сказала, что у них такого нет. Не первый раз уже, кстати, я сталкивалась с тем, что в аптеках к моим лекарствам относятся так, будто это страшные наркотики, а я совсем маргинальная женщина, раз их пытаюсь купить. При этом молодые парни, покупающие упаковки шприцов, такой реакции никогда не вызывали.

Я потащилась в метро, надеясь еще успеть застать открытый елочный базар и купить хотя бы одно из «прописанных» психиатром лекарств. Самую облезлую елочку, пожалуйста, и полкило новогоднего настроения на сдачу!

Но – увы. На том месте, где еще с утра укутанные по брови бодрые продавцы деловито измеряли елки, отсчитывали деньги и упаковывали разлапистых красавиц в сетки, чтобы удобнее было нести, уже никого не было. И елок не было, только валялись втоптанные в снег сломанные ветки.

Ну вот…

Глупость, конечно, но почему-то я ужасно расстроилась, до слез.

Я взрослая девочка, мне почти тридцать лет, и в Деда Мороза я давно не верю, но в новогоднее чудо – еще немножко да! Поэтому где-то в глубине души после слов Максима Игоревича про обязательную радость я надеялась, что вместе с елочкой принесу в дом и надежду на перемены к лучшему.

Я подняла одну веточку – показалось, что она самая целая, – но она развалилась у меня в руках. Подняла другую – иголки на ней были раздавлены в кашу. Третья осыпалась. Я бросила ее обратно в снег и почувствовала, как против моей воли горячие слезы копятся в уголках глаз.

Вроде и понятно – головой! – что это болезнь за меня плачет и грустит, что я не виновата, что никакой трагедии нет. А все равно печально и кажется, что я самая несчастная в мире.

Прямо сейчас.

Здесь, на этом покинутом еловом базаре. Одна, в темноте…

– Я так по тебе скучаю… – прошептала я. В груди разливался холод одиночества. – Так скучаю…

Три года прошло, как мы расстались с бывшим, а я все еще думала о нем. Особенно в такие моменты, как сейчас, когда кажется, что я бы потерпела: и то, что он меня постоянно шпынял, и то, что попрекал внешностью, презирал все мои увлечения, танцевал на вечеринках со всеми, кроме меня.

Потерпела бы – лишь бы не быть одной в эту новогоднюю ночь. Лишь бы кто-нибудь теплый обнимал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.